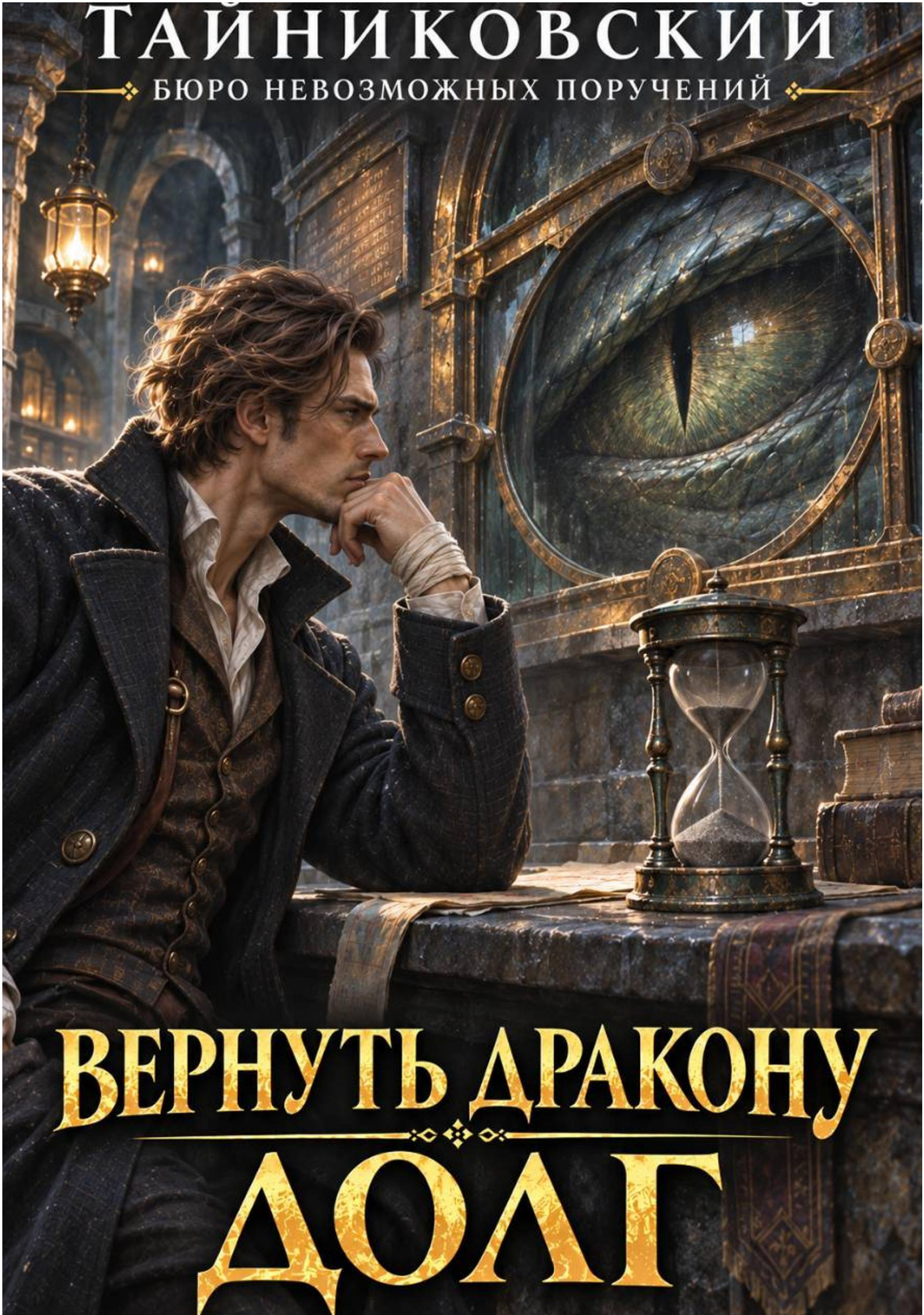
Тайниковский

Бюро невозможных поручений



Вернуть дракону долг

Тайниковский

Вернуть дракону долг

«Тайниковский»

2026

Тайниковский

Вернуть дракону долг / Тайниковский — «Тайниковский», 2026

Вернуть долг — дело нехитрое. Если, конечно, кредитор не дракон, проценты не начисляются уже десять лет, а вместо денег он не требует дни твоей жизни.Новое поручение приводит меня и моих сотрудников в заснеженные горы Каррада. Именно здесь мой брат когда-то нарушил клятву, забрал чужое время и оставил после себя долг, расплачиваться за который предстоит мне.Но чем глубже мы спускаемся под гору, тем яснее становится: вернуть взятое — самая простая часть поручения.Древние тайны, исчезнувшие люди, опасные сделки и дракон, который за тысячу лет не простил ни одного долга.Что ж, господин кредитор, открывайте расходную книгу.Бюро невозможных поручений приступает к работе!

© Тайниковский, 2026
© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Тайниковский
Вернуть дракону долг

Глава 1

Чешую Плюх обратно не принёс.

Я проверил утром, седьмого Первого, едва спустился: открыл шкаф, которого открыть нельзя, потому что ключа у меня нет и никогда не было, и который тем не менее в это утро стоял с отошедшей створкой. Внутри было то же, что всегда, когда в него удаётся заглянуть. Пусто, сухо, на дне горсть серого песка. Зверь сидел на каминной полке, рядом с кружкой, и вылизывал лапу с таким видом, будто вчера ничего никуда не носил.

— По адресу, — Реддик стоял у меня за плечом. Он уже был одет, выбрит и держал расходную книгу нового года, в которой на первой странице стояла одна запись. — Вы вчера выразились так. Я хотел бы понимать, какой адрес у шкафа.

— Я тоже.

— Тогда я оставляю графу «получатель» незаполненной, — он помолчал. — Господин Вельд. Рик. Мне трудно говорить «ты», я упражняюсь. Сто арок аванса от Дома Кастелл приняты и внесены. Касса: двести девяносто восемь арок и шестнадцать створок. Я четырнадцать лет взыскивал с людей, у которых не было столько за всю жизнь. Мне не по себе.

— Привыкнешь.

— Я не хочу привыкать. Я хочу понимать, на что они уйдут. Каррад: три недели в один конец. Сани, лошади, овёс, ночлеги, проводник, тёплое. Я составил предварительную смету на пятерых, на шесть недель. Сорок одна арка, если Дом берёт подставы на себя, как обещано. Если не берёт, шестьдесят восемь.

— На шестерых. Ты едешь.

Он поднял глаза от книги.

— Я при книгах.

— Книги едут. Там, куда мы едем, сидит кредитор, который десять лет считает рост и не называет ставки. Мне нужен человек, который проверит его счёт.

Реддик стоял с пером в руке. Я видел, как он примеряет это к себе, как примеряют чужой сюртук: тесно ли в плечах.

— Проверить счёт дракона. В наставлении этого нет.

— В наставлении и про лодку не было.

Он записал что-то на полях. Потом, не поднимая головы:

— Жена вчера вздохнула: «Ты опять уедешь». Я ответил: нет, я теперь при конторе, в городе. А она: «Ульф, ты четырнадцать лет при чём-нибудь, и оно всегда уезжает».

— Она сердится?

— Она положила мне в сундук вторые рукавицы. Я не знаю, как это толковать.

До отъезда оставался день, и на этот день у меня было три дела. Первое лежало наверху, на правом крюке.

* * *

Лепесток я снял сам. Адель стояла рядом с трубкой, и игла, едва я взялся за холст, забилась о стекло, как муха.

Маленький, с мой большой палец, в промасленной коже. Бирка рукой брата: «Не вставлять, пока не решено». Он грел ладонь сквозь два слоя.

Мы спорили о нём полночи. Взять с собой значило везти через полкоролевства, через Мятый край, в горы, к существу, которое считает в днях, единственную вещь, без которой

третью не запереть и не отпереть. Оставить значило оставить её в доме, где остаются Марта, Лине и двое детей, в двух кварталах от Палаты Сводов, советник которой знает, что я был в своде, и носит правую руку в муфте.

— Он не дурак, — рассудила Адель в третьем часу ночи. — Он сложит. Не сегодня, так через неделю. Трость рассыпалась, пальцы состарились, а Вельд положил ладонь и ушёл целый. Значит, у Вельда есть что-то, чего нет у него. Он придёт искать что.

— Плюх.

— Плюх едет с нами: ты сам говорил, что без него чешую не предъявить. И Плюх не сторож. Он унёс аванс заказчика в шкаф и не поморщился.

Решил всё Бор, одной фразой, как он умеет.

— А чего гадать. Есть человек, у которого работа хранить. Тысячу лет род этим занят. Ему и снеси.

Так что утром седьмого я стоял у Садовой калитки, с мешочком за пазухой, и ждал, пока Келль сойдёт по ста двенадцати ступеням.

Он сошёл. Через порог, с пустыми руками: день присутственный. Выслушал. Принял свёрток обеими ладонями, как принимал, должно быть, тридцать один год тарелку.

— Передать в руки?

— В руки. И три слова: «На хранение. Не вставлять». Он поймёт.

— Он велел, если вы придёте, сразу вести наверх.

— Мне некогда наверх. Завтра обоз.

Старик посмотрел на меня с тем выражением, с каким глядят на людей, отказывающихся от королевского приглашения ради обоза. Потом, видимо, вспомнил, как сам нёс кашу через сад, и кивнул.

Ответ пришёл через колокол, с мальчишкой в дворцовой ливрее, на листке с золотым обрезом:

«Принял. Положил в нишу, рядом с ларцом, по другую сторону от тёплого бока: мне показалось, им так спокойней. Запер. Теперь у меня всё, и я ничего не могу один, потому что вашей руки при мне нет. Отец был бы доволен: он никому не давал целого.

Мне донесли, куда вы едете. В Карраде клянутся на камне, и слово там дороже грамоты. Вы человек формулировок. Будьте осторожны: мне говорили, что камень слышит не слова.

Возвращайтесь до срока. У нас с вами недоговорено. Э.»

Адель прочла через плечо.

— «Камень слышит не слова», — повторила она. — А что?

— Не знаю.

— Седьмое правило, — она сложила листок и убрала в тетрадь, к тем двум, что пришли раньше. — Мне не нравится, что тебя предупреждают все подряд. Марроу, король. Как будто ты едешь туда, где твоё единственное оружие не стреляет.

— У меня есть ещё одно.

— Какое?

— Ты считаешь, Бор стоит, Никс открывает, Ульф ведёт книгу. Я только говорю.

— Это не оружие. Это контора.

— Вот и я о том же.

Она посмотрела на меня поверх очков. Промолчала. Но я видел, что запомнила: у неё, когда она запоминает, чуть сдвигаются брови.

* * *

Второе дело ждало на набережной.

Дом без порогов в присутственный день оказался другим. Двери висели на петлях: дубовые, тяжёлые, с медными ручками. Ступени крыльца по-прежнему переходили в пол без уступа, и я заметил, что переношу ногу выше, чем нужно, как переносят над натянутой ниткой.

Внутри работали. В вестибюле, где шестого лишнего дня не было ни души, теперь сидели за конторками шестеро в серых кафтанах и писали. Не поднимая голов. Скрип шести перьев складывался в ровный шум, как дождь по крыше. По лестнице вверх и вниз ходили люди с папками. На стене, против входа, висела доска, разграфлённая мелом: числа, названия мест, столбцы. Я прочёл: «Понтарь. Опора. Осадка: 2 линии за год». «Скерры. Каменный двор. Без перемен». «Сальма. Арка. Сквозит: сильней».

Адель остановилась перед доской.

— Сальма. «Сквозит: сильней». Это когда писано?

— Третьего дня, госпожа Рейн, — серый писарь у ближней конторки ответил, не отрываясь. — Донесение от пятнадцатого Двенадцатого. У нас там человек, при арке, с восемьдесят девятого года.

— С девяносто восьмого вы хотели сказать. Дом основан в девяносто шестом.

— С восемьдесят девятого. Он был ещё от конторы на Старых Весах. Глава Дома забрала его при разделе вместе со всеми донесениями.

Адель обернулась ко мне. Лицо у неё было странное.

— У Гая был человек при арке в Сальме. С восемьдесят девятого. Я выросла под этой аркой, Рик. Мне было двенадцать. Я каждый день ходила мимо неё за водой.

— Он нашёл тебя в девяносто третьем.

— Он не нашёл. Ему донесли, — она сняла очки, протёрла, надела. — «Видит: А. Р., шестнадцать лет. Учить». Я всю жизнь думала, что он проезжал мимо и заметил девчонку, которая странно глядит на камни. А на меня четыре года писали отчёты.

— Это плохо?

— Не знаю. Я ещё не решила, — она отвернулась от доски. — Пойдём. Я потом на это разозлюсь, когда будет время.

Нас провели наверх. Не в кабинет с шестью лампами: ниже, в полуподвал, за железную дверь, которую открыл Тобиас ключом с собственной шеи.

Это было хранилище. Длинная сводчатая комната без окон, сухая, холодная. Вдоль обеих стен, от пола до потолка, стояли шкафы, и в каждом ящики: одинаковые, дубовые, с медными табличками. Номера шли подряд. Я сосчитал ряды и перемножил: больше четырёхсот.

Ивейна Кастелл ждала у дальней стены. В сером дорожном платье, с тем же тяжёлым узлом волос. На поясе у неё, я заметил, по-прежнему не было ничего.

Рядом с ней стояли двое, которых я прежде не видел.

Один был старик. Сухой, сутулый, лысый, с длинным лицом и с такими светлыми глазами, что они казались слепыми. Кафтан на нём был серый, как у всех в этом доме, но застёгнут криво, и из нагрудного кармана торчали три карандаша разной длины.

Другой был моих лет. Плотный, румяный, в очках, с чернильным пятном на манжете и с толстой книгой под мышкой. Он посмотрел на Реддика, которого я взял с собой. Реддик посмотрел на него. Так, я думаю, смотрят друг на друга два пса на узкой улице.

— Мэтр Ламберт Хойт, — представила Ивейна Кастелл. — Старший расчётчик Дома, одиннадцать лет. Тот самый, который ответил мне: «Не возьмусь». Он едет. Мэтр Петер Сван, казначей. Он тоже едет, и я прошу вашего счетовода заранее принять, что расходы Дома он считает сам.

— Расходы Дома меня не касаются, — ответил Реддик. — Меня касаются расходы конторы, возмещаемые Домом по поручению двести двадцать четыре. Я желал бы видеть, по какой форме Дом принимает расписки.

— По форме Дома, — возразил румяный казначей. — В трёх экземплярах.

— У меня форма седьмая. Казённая.

— Мы не казна.

— Я это вижу.

— Потом, — Ивейна Кастелл не повысила голоса, но оба замолчали. — Господин Вельд. Вы хотели видеть, что везёте. Сто сороковой.

Тобиас подошёл к третьему шкафу справа. Табличка: «140». Ниже, мельче: «Каррад, V.1094. Г. В. Назначение не установлено».

Он выдвинул ящик и поставил на стол, под лампу.

Внутри, в гнезде из серого сукна, лежали часы.

Песочные. Я видел такие в аптеках и на кухнях: две склянки, горло в горло, в деревянной клетке. Эти были иные. Клетка бронзовая, тёмная, в прозелени: три стойки, два донца. Стекло толстое, дымчатое, неровное, какого теперь не льют. А песок в нём был серый. Мелкий, ровный. Я знал этот песок. Он лежит на дне шкафа в моей приёмной и у подножия рамы на третьем этаже.

Весь он был в одной склянке. В верхней: часы стояли в гнезде так, как стоят, когда их только что перевернули. В нижней не было ни крупинки.

— Они не идут, — Ивейна Кастелл покачала головой. — Десять лет. Я переворачивала их сотню раз, я держала их над огнём, я стучала по стеклу. Песок не сыплется. Мэтр Хойт считает, что горло забито.

— Я этого не считаю, — возразил старик. Голос у него был тихий, скрипучий, удивительно похожий на голос человека с двумя парами очков. — Я говорил: я не знаю, отчего он не идёт. Это разные утверждения.

— На стойках насечки, — Адель уже наклонилась, не трогая. — По одной на каждой. Три стойки, три насечки. И на донце знак.

Я видел. Арка, в ней створка, приоткрытая на треть, и точка на пороге.

— Игла?

Она вынула трубку. Игла повисла, качнулась и легла. Не к часам. Ко мне.

— Рик, — очень ровно произнесла Адель. — Она показывает на твою правую руку.

Рука была тёплая. Я не заметил когда: с той минуты, как выдвинули ящик. Рубец с тёмной прожилкой горел, не больно, как горит щека.

— Не бери, — Адель схватила меня за рукав.

— Я должен знать, что везу.

— Тогда возьми левой.

Я взял левой. Бронза была холодная, тяжёлая. Часы лежали в ладони, как мёртвая птица. Песок не шелохнулся.

— Вот, — Ивейна Кастелл развела руками. — Десять лет.

Я переложил их в правую.

Сперва ничего. Потом в горле, там, где склянки сходятся, что-то дрогнуло. Одна крупинка. Она сорвалась и упала на дно нижней склянки, и я услышал это: сухой, крошечный стук.

За ней вторая. Третья.

Песок пошёл.

Не струёй: ниткой, тонкой, ровной, серой. Он сыпался в нижнюю склянку без звука, и на дне её вырос бугорок с булавочную головку.

В хранилище стало очень тихо. Перестал дышать даже казначей.

— Поставь, — голос у Адель дрогнул.

Я не поставил. Я не мог оторвать глаз. Нитка шла, и с каждой крупинкой у меня в ладони что-то отпускало: медленно, как отпускает затёкшая нога. Мне было хорошо. Мне было так, как бывает, когда возвращаешь долг, который носил много лет.

— Рик! Поставь!

Бор взял меня за запястье. Сержант стоял позади и, оказывается, ждал. Не вырвал часы: просто разжал мне пальцы, один за другим, своей здоровой рукой, и вынул бронзу, и поставил в сукно.

Нитка оборвалась. Последняя крупинка повисела в горле и осталась.

Я стоял и глядел на свою ладонь. Она была мокрая.

— Сколько? — спросил я.

— Четырнадцать счётов, — ответила Адель. Она считала: я видел пальцы левой руки. — В нижней склянке… — она нагнулась, щурясь. — Мэтр Хойт, у вас глаза лучше. Сколько там?

Старик достал из кармана лупу на шнурке. Глядел долго.

— Слой в волос. Если принять, что весь объём верхней склянки соответствует трём суткам, как указывают три насечки, и что истечение равномерно, то за четырнадцать счётов должно было упасть… — он пошевелил губами. — Нет. Не сходится. Упало вшестеро больше.

— Вшестеро?

— Приблизительно. Мне нужны весы.

— Не надо весов, — возразила Адель. Голос у неё изменился. — Я поняла. Мэтр Хойт, вы приняли, что три насечки значат трое суток здешних. А если не здешних?

Она выпрямилась и посмотрела на меня. Потом на Ивейну Кастелл.

— Это не часы. То есть часы, но не для того, чтобы мерить время. Это время и есть. Три дня. Чьи-то, настоящие, запаянные в стекло. Они не идут ни в чьей руке, потому что они ничьи: их некому тратить. А у него они пошли, — она показала подбородком на мою ладонь. — Потому что он должен ровно столько. Три дня, с восемьдесят восьмого года. Они его узнали.

* * *

Ивейна Кастелл стояла над ящиком и глядела на бугорок серого песка в нижней склянке. Десять лет она переворачивала эти часы. Десять лет в них не упало ни крупинки.

— Он мне не признался, — проговорила она. — Гай. Он уверял: мерный прибор, старой работы, взял на год, поглядеть, как сделан. Я поверила. Я считала его многим, но не вором.

— Расскажите, — попросил я. — Как было. Я знаю одну строку: «Каррад. Взял в девяносто четвёртом».

Ивейна села. На табурет у стола, прямо, сложив руки. Тобиас без приказа подвинул второй мне, и я был ему благодарен: ноги у меня держали хуже, чем я показывал.

— Пятый месяц девяносто четвёртого, — начала она ровно, как читают опись. — Мы шли втроём, с носильщиком. Перевалы только открылись. Сет хотел видеть Шестую арку: она стоит на самом гребне, выше неё только снег, и он вывел по старым описаниям, что при ней должно быть «окно». Не дверь: окно. Малый проём, через который выдавали. Он не знал что. Гай знал или догадывался. Он шестой год закрывал ниши и искал, как он говорил, «бухгалтерию»: кто у тех, прежних, вёл счёт.

— И нашёл.

— Клан Рауд держит перевал. Они приняли нас как купцов: Гай умел. На третий день он объявил, что пойдёт под гору, к тому, с кем у клана договор. Один, с носильщиком. Нас с Сетом не взял. Объяснил: там принимают по одному, — она помолчала. — Его не было два дня. Вернулся серый, как вы сейчас. Носильщик нёс за ним вот это, в мешке. Гай отмахнулся: дали на год, под слово. Мы уехали в тот же вечер. Я спросила, под какое слово. Он ответил: под обыкновенное.

— Он клялся на камне.

— Этого я не знала. Узнала в девяносто седьмом, когда Дом стал вести дела с Каррадом. Мне объявили у тана: «Твой бывший товарищ у нас срезан». Я спросила, что это значит. Мне показали камень. Там есть место, стёсанное зубилом, — она посмотрела на меня. — Я должна была вернуть тогда же. Вещь лежала у меня. Я не вернула. Я твердила себе: это его слово, не моё, пусть сам. А на самом деле я хотела понять, что это, и надеялась, что оно пригодится. Для Сета. Десять лет я переворачивала чужие три дня и злилась, что не идут.

— «Сам не смогу: меня там помнят».

— Клятвопреступника в Карраде не убивают. Его перестают видеть. С ним не говорят, ему не продают, его не пускают под крышу. Он мог бы дойти до перевала и умереть на камнях в десяти шагах от огня, — голос её был сух. — Так что да. Сам он не мог. А попросить меня не мог тоже. Мы с ним оба гордые, господин Вельд. Это стоило дорого, и не только нам.

Я смотрел на часы. На три насечки.

— Он взял их для меня, — выдохнул я.

Никто не ответил.

— Три дня. Он шесть лет искал, чем заплатить за мои три дня. Нашёл вещь ценой ровно в три дня. Взял, — я слышал собственный голос, ровный, и не узнавал. — И не заплатил. Почему?

— «Взятое не годится», — тихо произнесла Адель. — Марроу говорил про щеколду. Отданное годится, взятое нет, украденное хуже.

— Он попробовал, — произнёс Ламберт Хойт.

Мы обернулись к нему. Старик стоял, заложив руки за спину, и глядел в ящик своими светлыми, будто слепыми глазами.

— На донце, с исподу, царапина. Свежая, по меркам этой бронзы: лет десять. Кто-то вставлял их во что-то. В гнездо, в паз, не по размеру. Я отметил это ещё в девяносто шестом, при описи, и записал: «след неудачной установки», — он пожевал губами. — Я расчётчик, господин Вельд. Я не знал вашего брата близко. Но я одиннадцать лет гляжу на то, что он оставил, и скажу: это был человек, который сперва делал, а потом считал. Он принёс чужие три дня к какой-то двери и попытался расплатиться ими за вас. Ему не зачли.

— Сухой Брод, — отозвался я. — Ниша восемьдесят восьмого года. На ней надпись: «Не открывать». Он закрыл её с четвёртого раза.

— Вот туда, полагаю, и принёс.

Я встал. Мне надо было пройтись. Четыреста ящиков, одинаковые таблички. Я дошёл до конца ряда и вернулся.

Шестнадцать лет я думал о нём одно. Последнюю неделю думаю другое. Теперь выходило третье: что человек, которого я считал беглецом, а потом поручителем, был ещё и вором. Что он украл для меня. Что украденное не помогло, а висит на нём, и на мне, и на женщине, которая десять лет держала это в ящике.

— Я не сержусь, — произнёс я, сам не зная кому. — Я думал, что рассержусь. Не выходит.

— Потом выйдет, — возразил Бор. — Оно всегда потом.

— Кто понесёт? — спросила Адель. Она вернула нас к делу, как возвращает всегда: одним вопросом. — Не Рик. В его руке они идут. Три дня, и каждая крупинка, которая упала, упала в счёт. Я не знаю, в чей. Я не знаю, хорошо это или плохо: может быть, он так платит, а может быть, тратит чужое, которое потом спросят. Пока не знаю, он их не касается.

— Я, — отозвался Бор.

— Ты уверен? У тебя левая рука…

— Срослась, — он уже взял ящик, обеими руками, снизу. — Я двадцать шесть лет носил чужое под расписку. Вещдоки, изъятое, залоги. Ни разу не потерял и ни разу не заглянул. Госпожа Кастелл, мне расписаться?

— В трёх экземплярах, — оживился казначей Сван.

— Сержант Грейн, — Ивейна Кастелл даже не взглянула на казначея. — Вы распишетесь один раз. В моём доме я решаю, сколько экземпляров.

Казначей закрыл рот. Реддик поглядел на него без выражения, и это было хуже усмешки.

* * *

Третье дело было бумажное, и заняло оно полдня.

«Договор о совместной экспедиции» Дом Кастелл составил заранее. Он лежал на столе в кабинете с шестью лампами: одиннадцать листов, тридцать две статьи, три экземпляра. Я прочёл его весь. Потом ещё раз, с Адель. Потом попросил перо.

— Статья четвёртая, — я ткнул пером в лист. — «Общее руководство экспедицией принадлежит главе Дома Кастелл».

— Обоз мой, — ответила она. — Сани, лошади, подставы, люди, припас. Двенадцать человек Дома и шестеро ваших. Кто платит за дорогу, тот ею и командует. Это обыкновенно.

— В моей конторе есть пятое правило. Его писал ваш бывший партнёр, и вы, думаю, стояли рядом. «Кто специалист, тот и командует».

— Я помню. Я его и придумала. Он записал.

Это меня остановило.

— Тогда вы знаете, зачем оно. На дороге специалист вы: ваши сани, ваш расчёт перевалов. Я не спорю. Но у камня в Карраде, под горой, у того, кого зовут Драконом, специалист кто?

Она помолчала.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я там не была. Гай ходил один.

— Должник ходит к кредитору сам. Меня зовут Вельд. Брат срезан на вашем камне, и его долг, если я верно понял про клятвенное право, теперь мой. Под горой говорю я. С кланом говорит тот, кого клан станет слушать: я ещё не знаю кто, может быть, вы, может быть, сержант Грейн. Со склянкой решает Рейн: она одна понимает, что это. С замками Тарн. Со счётом Реддик, — я положил ладонь на лист. — Я не подпишу, что мной командуют там, где я отвечаю головой.

— А я не подпишу, что мои люди идут в горы под началом конторы, которая шесть дней назад не имела в кассе ста арок.

— Имела сто одну.

Угол её рта дрогнул.

— Что вы предлагаете?

— Пятое правило. Дословно. «В каждом деле командует тот из участников, кто в нём специалист. Кто специалист, решают двое: глава Дома и хозяин конторы. Если двое не согласны, решает третий, названный заранее».

— Кто третий?

Я не думал об этом. Я открыл рот, чтобы сказать «Грейн», и понял, что она не примет: он мой.

— Пристав Доу, — вдруг предложила Адель.

Мы оба посмотрели на неё.

— Хельга Доу, Палата Сводов. Она дважды писала на Рика дело и дважды приписывала: «Действия правильные». Она не наша и не ваша. Она едет.

— Едет? — Ивейна Кастелл нахмурилась. — С какой стати?

— С предписанием, — раздался голос от проёма.

Ирма Рен стояла в дверях. За ней, в чёрном платье и чёрной шляпе, невысокая, плотная, с медным жетоном на груди, стояла женщина, которую я не видел с Гельта. Она держала в руке бумагу с печатью: пустая арка.

— Простите, что без доклада, — пристав Хельга Доу сняла шляпу. — Ваш привратник сообщил, что вы заняты. Я ответила, что я тоже. Госпожа Кастелл. Господин Вельд. Палата Сводов, Ортенский округ. Предписание от шестого Первого. Зачитать или дадите прочесть самим?

Она положила лист на стол, поверх одиннадцати листов договора.

Я прочёл.

«Приставу Х. Доу. Сопровождать экспедицию Дома Кастелл и конторы Вельда в королевство Каррад. Всё древнее, вывозимое либо ввозимое, описать. Действия участников в отно-

шении древних конструкций удостоверить. При возможности изъять в пользу Палаты. Советник Г. Орм».

Подпись была кривая. Буквы валились влево, как валятся у ребёнка или у человека, который пишет не той рукой.

— Он подписал левой, — Доу проследила мой взгляд. — Правую он с первого числа носит в муфте и не показывает никому, включая лекаря. В Палате говорят разное. Я подумала, что вы, может быть, знаете.

— Он подержался, — ответил я.

— За что?

— За то, за что не следует. Я ему говорил.

Она кивнула, как кивают, получив подтверждение.

— Я так и записала бы, если бы меня спросили. Меня не спросили. Мне дали вот это и велели ехать, — она сняла шляпу, положила на стол рядом с предписанием. Волосы у неё были с проседью, стриженные коротко. — Скажу сразу, чтобы не было неясности. «При возможности изъять». Возможности, как я понимаю, не представится: вещь, которую вы везёте, не вывозится, а возвращается, и не короне, а тому, у кого взята. Палата на неё права не имеет. Я это удостоверю. Советнику это не понравится. Мне, признаться, всё равно: мне сорок шесть лет, я третий год вожу в портфеле два дела на одного и того же человека и оба раза пишу в конце одно и то же.

— Третье тоже заведёте? — спросил я.

— Смотря что вы сделаете, — она посмотрела на меня без улыбки. — Вы умеете. Я заметила.

Ивейна Кастелл глядела на неё, как глядела на расчёт Адель: с вниманием мастера к чужому инструменту.

— Пристав. Вы поедете в моём обозе?

— В своих санях. На казённых лошадях. С одним стражником. Палата не ест с чужого стола.

— Вы согласитесь быть третьей? Решать, кто специалист, если мы с господином Вельдом не сойдёмся?

Доу подумала. Недолго.

— Это не входит в мои обязанности. Но это и не запрещено. Я соглашусь при одном условии: моё решение записывается и не оспаривается. Я не люблю, когда оспаривают.

— Принято, — ответил я.

— Принято, — согласилась Ивейна Кастелл. И, казначею: — Сван. Статью четвёртую переписать. В трёх.

* * *

К шестому колоколу мы были на Старых Весах.

Ивейна Кастелл пришла со мной: она не сидела на своём стуле с последней ночи года, а неделя тишины, о которой говорил Марроу, вышла вчера. Она поднялась на третий этаж, как поднимаются к себе. Реддик внизу, я слышал, доложил ей: «Створка за Первый месяц внесена, квитанция у госпожи Рен», и она ответила: «Знаю».

Зеркало Марты стояло на подоконнике. Стул спинкой к раме.

Мы с Адель встали у косяка. Я не хотел: это было её время и его. Но она сама попросила, не оборачиваясь:

— Останьтесь. Мне надо, чтобы он говорил при вас.

Ударил шестой.

Песок у рамы осел. Одна вмятина, другая. В зеркале, чуть мимо, собралось: мантия, залысины, две бледные точки на лбу. И третья пара, на носу, поверх первой: с трещиной на левом стекле.

Он шёл к столу и на полдороге увидел стул. На этот раз не споткнулся. Только пошёл быстрей.

— Сорок, — раздался голос, на полшага левей. — У меня сорок, Ивейна, не сто. Говори сразу главное.

— Мы едем в Каррад.

Маленькая фигура в зеркале остановилась.

— Зачем?

— Вернуть то, что Гай взял там в девяносто четвёртом. Оно лежало у меня. В сто сороковом ящике. Песочные часы в бронзе, три насечки, серый песок. Я десять лет думала, что они не идут.

— А они?

— Пошли. Сегодня. В руке у его брата.

Молчание. Я слышал, как Адель считает: шесть, семь.

— Трёхдневная, — Марроу произнёс это так, как произносят имя человека, о чьей смерти только что узнали. — Так вот что он взял. Я спрашивал. Я три года спрашивал его, у кольца: что ты вынес из-под горы? Он отвечал: не твоё дело, Сет. Я думал, бронзу. Матрицу, с которой льют. Я думал, он хотел сам делать щеколды, — он снял с носа треснутые очки, поглядел сквозь них на свет, надел. — А он взял время. Чужой залог. Чей-то, кто вошёл тысячу лет назад и оставил при входе три своих дня, чтобы получить на выходе.

— И не вышел.

— И не вышел. Они там лежат рядами, Ивейна. Я не видел, я слышал от тех, первых. При каждой арке сидел скупец, брал залог и выдавал. Когда двери заперли, залоги остались. Тысячи. Он на них лежит.

— Дракон.

— Внизу зовут так. Он не дракон. Он счетовод, — вмятина в песке: он шагнул ближе. — Пятнадцать, барышня?

— Шестнадцать, — поправила Адель.

— Слушай меня. Он назовёт рост. Он всегда называет. У него на всё есть цена, и цена эта в днях. Не верь первому числу: он считает, как ростовщик, с запросом, он ждёт, что с ним станут торговаться. Тысячу лет с ним никто не торговался: клан платит руду и боится. Он заскучал.

— Заскучал?

— Он мне не говорил. Я вывел. Тот, кто шлёт чешую должнику через десять лет, не взыскивает. Он зовёт поговорить, — Марроу повернул голову: в зеркале блеснули три пары стёкол. — Вельд-младший. Вы тут?

— Тут.

— Вам он назовёт два числа. Одно за склянку. Другое за вас самого: он увидит. Он видит людей не лицами, а суммами. Не пугайтесь второго. Оно будет большое.

— Насколько?

— Не знаю. Я не скупец, я не умею считать их рост. Двадцать пять.

— Двадцать шесть.

— Ивейна, — голос переменился. Стал тише, и скрип из него ушёл. — Ты спросишь у него про меня.

Она сидела очень прямо. В зеркале я видел её лицо.

— Не спрошу, если не велишь.

— Спросишь. Я тебя знаю. Ты восемь лет копила, отдала ключ, и теперь едешь к единственному существу в Двенадцати Порогах, у которого есть книга, где записаны все, кто вошёл. Ты приедешь, поглядишь на него и спросишь: сколько за Сета Марроу, — он поднял руку над её волосами, как в прошлый раз. — Не спрашивай.

— Почему?

— Потому что он ответит. Он всегда отвечает, сколько. А ты, услышав число, начнёшь считать, чем заплатить. Ты не умеешь услышать цену и не начать считать. И заплатишь. Чем угодно. Домом, людьми, собой, — рука дрогнула. — Я этого не стою. Я ошибся в расчёте, вошёл сам, по своей воле, расписался и нарисовал стрелку. За меня никто не должен. Не делай так, чтобы стал должен.

— Тридцать четыре.

— Сет. Если бы я стояла там, а ты здесь. Ты бы спросил?

Он молчал. Три счёта. Четыре.

— Спросил бы, — ответил он. — Конечно. Я бы уже торговался, — сухой, короткий смешок. — Ты всегда умела повернуть условие.

— Ты меня научил.

— На свою голову, — рука опустилась. Близко. — Тогда вот что. Спроси. Но, прежде чем платить, скажи число Рейн. Пусть она проверит. Она нашла у тебя дыру, она найдёт и у него. И, Ивейна. Если выйдет, что платить надо тем, что тебе не принадлежит…

— Сорок, — закончила Адель.

Песок лежал ровно.

Ивейна Кастелл сидела не шевелясь. Потом подняла руку к виску.

— Он не договорил.

— Он высказался довольно, — ответила Адель. Она отпустила мой рукав. — «Тем, что вам не принадлежит». Госпожа Кастелл. Я проверю. Что бы он ни назвал. Но я хочу знать сейчас, до дороги: вы едете возвращать долг Гая или покупать мужа?

Глава Дома обернулась. Теперь было можно.

Лицо у неё было строгое, сухое. Глаза нет.

— Я еду возвращать долг Гая, — Ивейна не отвела глаз. — Это записано, подписано в трёх экземплярах, и я держу слово. Спрашивать о цене не воспрещено ни одним из ваших трёх случаев.

— А платить?

— Платить я буду своим, — она встала. — Только своим, госпожа Рейн. Можете записать дословно.

Адель записала. Я видел: карандаш, тетрадь, петля у «д».

* * *

Вечером Никс сколотил Плюху дорожный шкаф.

Он делал его во дворе, из досок от ящика, в котором Марте привозили муку: небольшой, в локоть с четвертью, с дверцей на кожаных петлях и с крючком. Работал он молча, сосредоточенно, с тем лицом, с каким вскрывает замки, только наоборот. Напёрсток блестел у него на пальце.

— Ему надо, чтоб закрывалось, — объяснил он, когда я вышел. — Я глядел: он в открытое не лезет. В сумку, в корзину, в футляр мэтра Реддика, это всё с крышкой. Ему нужно, чтоб снаружи не видно было, что внутри. Тогда он оттуда чего-нибудь достаёт.

— Или туда уносит.

— Или уносит, — Никс вбил гвоздь. — Вельд. А он её отдаст? Чешую. На заставе, или где её спросят.

— Не знаю.

— Я вот тоже. Он не носит обратно.

— Один раз унёс. Может, один раз и принесёт то.

— Может, — он примерил дверцу. — Я ему на дно песку насыпал. С третьего этажа, от рамы. Чтоб как дома.

Плюх сидел на поленнице и смотрел чуть мимо шкафа. Когда Никс отошёл, он слез, обнюхал доски, сунул голову внутрь. Вылез. Чихнул. И сел рядом, спиной к дверце, как садится хозяин у ворот.

— Принял, — с удовлетворением объявил Никс.

В доме пахло сборами. Марта прислала с Тилем три узла и записку Бору, которую он прочёл, сложил и убрал, не показав. Лине сидела в лаборатории над списком: Адель оставляла ей двенадцать задач на шесть недель и ключ от третьего этажа, с наказом в шестом колоколе слушать из чулана, считать и не подниматься. Реддик укладывал в сундук расходную книгу, две чернильницы, пачку серых казённых бланков, которые купил вчера в округе, под расписку, и вторые рукавицы.

Адель я нашёл на кухне. Она стояла у стола и глядела на конверт с зелёной печатью.

— Первое Третьего, — Адель не обернулась. — Сегодня седьмое Первого. Три недели туда. Сколько там, неизвестно. Три недели обратно. Если перевалы закроются в середине Второго и мы выйдем в последний день, я буду в Ортене в первых числах Третьего. После срока.

— Напиши сейчас.

— Что?

— Ответ. Какой решишь. Оставь Лине, пусть отнесёт в последний день Второго.

— Я не решила.

— Тогда напиши с дороги. Из Затонов королевская почта идёт шесть дней.

— Это если я буду в Затонах к двадцать третьему, — она наконец повернулась. — Рик. Я не знаю, что я там увижу. Под горой. Существо, которое считает в днях и у которого записаны все, кто вошёл. Если то, что говорит Марроу, правда, то там лежит ответ на всё, чем я занимаюсь с шестнадцати лет. Не в Академии. Там, — она постучала пальцем по конверту. — А мне предлагают келью с окном на реку и курс с Третьего месяца.

— Одно другому не мешает.

— Мешает. Я не умею два дела разом, — она убрала конверт в сумку. — Я возьму его с собой. Решу там. И ты помнишь условие.

— Помню.

— Марроу предупредил: вам назовут второе число. За вас самого. Большое, — она глядела на меня прямо. — Когда назовут, ты мне скажешь. Сразу. Не «после». Это не то, про что «после».

Я хотел ответить: скажу. Это было просто, одно слово.

— Скажу, — пообещал я.

Обещать было легко. Числа мне ещё не назвали.

Ночью я не спал и вышел во двор. Мороз стоял сухой, звёздный. На Старых Весах, у нашего крыльца, темнели сани: Дом пригнал их с вечера, чтобы грузиться затемно. Четверо. Широкие, крытые, с серыми пологами, с медными бирками на оглоблях. Лошадей при них не было, только сторож в тулупе, дремавший на козлах первых.

Никс стоял у четвёртых. Не трогал их. Глядел.

— Вельд, — тихо позвал Никс, когда я подошёл. — Гляньте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.